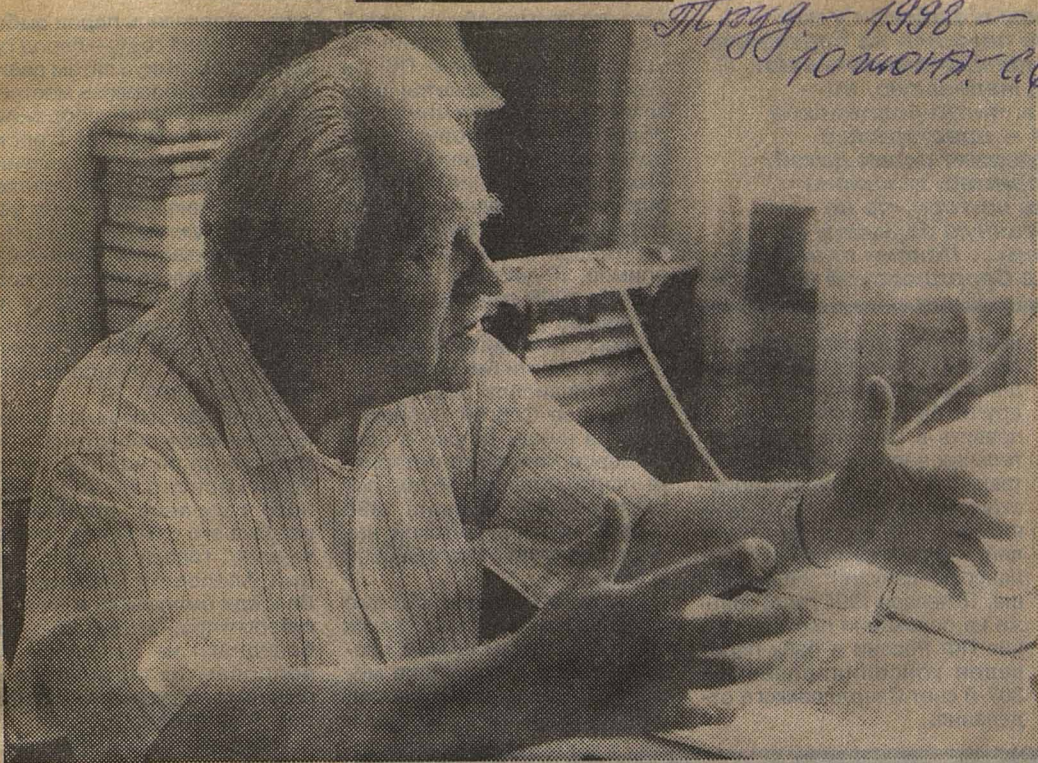

Муж. - 1998 -
10 июня - с.6

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Тихону Николаевичу Хренникову 85. В это трудно поверить: его творческая энергия и темперамент неиссякаемы. Не случайно именно Хренников стал (в который уже раз!) председателем Оргкомитета проходящего ныне в Москве конкурса имени Чайковского. А на его столе в кабинете лежит партитура нового балета "Капитанская дочка". Так композитор готовится к грядущему юбилею Пушкина.

РУКОВОДИТЬ ТВОРЧЕСТВОМ — ДЕЛО БЕЗНАДЕЖНОЕ

Тихон Хренников:

— Тихон Николаевич, что, по-вашему, нужно человеку, чтобы чувствовать себя счастливым?

— Возможность работать. Для меня самое большое счастье — сидеть за письменным столом и сочинять музыку. Именно благодаря прежде всего творчеству я всегда чувствовал себя независимым человеком. Например, когда я был председателем Союза композиторов, то мог бы показывать пример другим и писать песни о вождях — о Сталине, затем о Хрущеве... Я не написал ни одной такой песни. Писали другие. Правда, в моей опере "В бурю", в одной из картин, появляется Ленин... Я всегда что хотел, то и писал. Ну и, конечно, откликался на просьбы авторитетных музыкантов. Так, мой Скрипичный концерт появился потому, что меня попросил об этом Леня Коган. Когда Ростропович предложил написать для него, я тоже выполнил просьбу. Ростропович потом играл мой Первый виолончельный здесь и по всему миру. Короче, мною никто не руководил.

И вообще я вам должен сказать, что руководить творчеством — дело довольно-таки безнадежное. Каждый большой композитор живет по законам, которые сам себе устанавливает. Вы думаете, Шостаковича можно было заставить писать то, что он не хотел? Никогда. То же относится к Прокофьеву. Это все трепотня, когда говорят, будто им приказывали. Никто никому не приказывал. И даже если бы им пытались что-либо приказать, эти большие композиторы послали бы куда подальше. Другое дело, были заказы Министерства культуры, радио, потом телевидения. Конечно, писали, чтобы заработать деньги. Но по большому счету творчество крупных композиторов всегда абсолютно независимо. И если появлялись какие-то хвалебные произведения, значит, у их авторов в тот момент было желание именно это написать. Вот и все.

— Но если невозможно руководить творчеством, то в чем тогда заключалась ваша деятельность на административном посту?

— Понимаете, я всегда любил музыку своих коллег и старался по возможности помогать. А возможности, что говорить, были большие. Все-таки ежегодный бюджет Союза композиторов — 20 миллионов рублей. По тем временам крупная сумма. Мы могли содержать дома творчества, строили квартиры для композиторов, организовали свое издательство. У нас было бюро пропаганды советской музыки.

— А деньги вы имели от государства?

— Это не совсем точно. Значительную долю наших поступлений составляли авторские отчисления от исполнения композиторов-классиков. Нас кормили Чайковский, Мусоргский и некоторые выдающиеся современники.

— А что сейчас?

— А ничего. Сейчас все получают свои авторские, разумеется, те, у кого они есть. Заказов же почти нет.

— Ваши прогнозы?

— Я считаю, пока государство не будет помогать искусству, культуре, образованию, они будут угасать. Что и происходит. Государству сейчас плевать на молодежь. Наоборот, требуют с молодых людей деньги за образование. Раньше ни с кого денег не брали. Было бесплатное обучение, и даже стипендии платили вполне сносные. Знаю это, в частности, по своей собственной юности. Иначе еще вопрос, смог бы я, провинциал, получить в Москве образование.

— Да, ведь вы, насколько я знаю, выходец из Ельца.

— Совершенно верно. Дом, в котором я родился, стоит, наверное, лет триста. Маленький такой домишко. Сейчас там пытаются сделать музей.

— Откуда такая колоритная фамилия?

— Ну это от хрена, наверное, я точно не знаю. Откровенно говоря, у меня не было времени на изучение своей далекой родословной. Говорят, наша семейная линия откуда-то от шведов идет. У меня есть материалы. Можно было бы их изучить. Но в последнее время я мало читаю, так как с глазами неважно. Старюсь все свои возможности зрительные сохранять для работы над партитурами.

Отец мой, Николай Иванович Хренников, был приказчиком. Служил у разных хозяев. Братья его — шибай — торговали лошадьми на ярмарках. И дед, Иван Семенович, видимо, тем же занимался. Кстати, мой отец просто обожал лошадей. Он о них говорил, словно о людях. А рисовал их изумительно! Я же лобзиком выпиливал фанерных лошадок. В общем, Хренниковы мещане были, мещане города Ельца.

— Семья была дружная?

— Дружная и большая, 10 человек детей. Шесть братьев и четыре сестры. Все получили высшее образование и стали преподавателями физики и математики в школе.

— Получается, музыкантом стали только вы?

— У третьего по старшинству брата Глеба, который учился в Московском университете, был прекрасный тенор. Собинов предсказывал ему блестящую артистическую будущность. Не бросая университет, Глеб поступил в Московскую консерваторию. Но началась война, и Глеб добровольцем пошел на фронт. В 1918 году его убили в последних боях под Двинском. Мой брат был любимцем, душой всей семьи. Природа наградила его умом, талантом, обаянием. Помню тот день, а я еще мальчишкой был, когда пришла телеграмма о смерти Глеба. Мать как стояла, так и рухнула, страшно рыдая. Огромное было переживание для всей семьи.

— Сколько лет было вашей маме, когда вы родились?

— 43 года.

— А папе?

— Отец 1859 года рождения. Значит, 54.

Что же касается музыки, то тогда все гимназисты, студенчество увлекались домашним музицированием. Играли на гитарах, мандолинах. И позднее у нас в школе был оркестр. Я там, помнится, на стаканах солировал. Выстраивал стаканы с водой и палочкой играл, пел разные народные песни.

— И сколько тогда вам было?

— Лет двенадцать. А в пятнадцать я уже уехал в Москву. За год до этого меня привезли сюда и показали М.Ф.Гнесину. Он и велел мне заканчивать среднюю школу и приезжать учиться. Я тогда уже довольно прилично играл на рояле, сочинял. Гнесинский техникум я закончил в три года и поступил сразу на второй курс в Московскую консерваторию. Первое мое крупное сочинение — Фортепианный концерт. У него счастливая исполнительская судьба. Такая же, как, впрочем, и у Первой симфонии, которой дирижировали Стоковский, Орманди, Шарль Мюнш. Еще студентом я начал писать театральную музыку. Театр Вахтангова ставил в то время спектакль "Много шума из ничего". Для сотрудничества сначала пригласили Шапорина. Но он по каким-то причинам не смог. Я принес для пробы песни "Как соловей о розе", "Ночь листою" и "Песню пьяных". Они понравились и, кстати, до сих пор исполняются. Ну а затем В.И.Немирович-Данченко меня заметил, и мы стали работать над оперой "В бурю". Так началась моя профессиональная жизнь.

— Вам везло на людей, не так ли?

— Везло. Скажем, Наталья Ильинична Сац еще мальчишкой привела меня в свой замечательный театр. Мы дружили всю жизнь. Потом и я ей помог в открытии нового театра. А общение с такой женщиной, как Елена Фабиановна Гнесина? Прикованная к креслу, потому что не могла ходить, она построила весь этот комбинат, который теперь называется Российской музыкальной академией имени Гнесиных. И, заметьте, к ней министры приезжали, а не она к ним. Это были настоящие строители нашей культуры.

Но меня окружали не только такие люди, общением с которыми я горжусь. Были и те, кто ходил ко мне обедать, а потом, во время разгула "борьбы с космополитизмом", строчил на меня доносы в ЦК и КГБ. Суслов меня вызывал и давал читать, что пишут про меня мои коллеги. Каждый день в моем почтовом ящике появлялись записки типа: "Лопух Тиша". А рисунки были какие: то я на виселице, то на электрическом стуле, то на кладбище покойник. Так что все было: и хорошие люди, и плохие.

— А что вы цените в жизни больше всего?

— Многое. Красоту. Красивых женщин, например. Ценю общение с искусством. Хотелось бы, чтобы люди не отвыкали от хорошей музыки...

Беседу вела Екатерина ВЛАСОВА.